

зывается своей жизни, о. Мандонне начинает с того, что устанавливает определенные пункты, которые представляются неоспоримыми и против которых, как мне кажется, немногие из интерпретаторов Данте вздумали бы выступить. Первый пункт касается качественного различия между тем, как размечаются периоды жизни в «Пире» и в «Новой жизни». В «Пире» Данте следует, приспособив ее к собственным целям, классификации, основанной на различии возрастов человека; в «*Vita Nuova*» все события совершаются и все стадии жизни различаются в соответствии с девятилетними периодами. Если вспомнить, что девять — «число, дружественное» Беатриче, и что корень этого числа — Троица, невозможно ни на миг усомниться в том, что исчисление времени в «Новой жизни» символично и, следовательно, так и должно рассматриваться. Как справедливо замечает о. Мандонне, «хронология этих двух трудов соотносится с совершенно разными порядками вещей»¹. А поскольку исчисление времени в «*Vita Nuova*» совершается сообразно девятилетним периодам: 9—18 и 18—27 лет, — постольку вместе с Анри Кошеном следует заключить, что Данте хотел «поставить возрасты своей жизни в зависимость от числа 9 — совершенного числа, которое лежит в основании всего повествования и всех рассуждений о Беатриче»². Превосходно сказано.

Но всего этого, понятно, недостаточно для о. Мандонне, кото-

---

¹ P. Mandonnet, *Dante le théologien*, p. 69.

² H. Cochin, *Vita Nova*, p. 182. — Однако из этого правила, как мне кажется, имеется исключение, и обнаруживается оно именно в «Новой жизни»: это дата смерти Беатриче, как ее указывает Данте, — 8 июня 1290 г. В самом деле, она настолько плохо соотносится с символикой числа 9, что Данте вынужден прибегнуть, чтобы обнаружить эту символику, к трем разным календарям: к арабскому — в отношении дня, к сирийскому — в отношении месяца и к итальянскому — в отношении года. Трудно представить себе, что Данте не мог выдумать более согласной с его символикой даты, чем эта, — если только речь

чать по-итальянски «девятая» — загадка, объяснимая только творческой мощью о. Мандонне. Каждому известно, что *vie neuvième* можно передать по-итальянски только как *vita nona*, и слово *nona* в итальянском языке так же отлично от *nova*, как во французском слово *neuvième* отлично от слова *nouvelle***.

Любопытнее всего то, что именно желание сблизить эти два слова стало, вероятно, единственной причиной, побудившей о. Мандонне предпочесть форму *nova* форме *nuova*. Правда, Анри Кошен использовал ее еще раньше, но просто «ради удобства французского читателя»². Впрочем, эта деталь не столь важна. Не столь важен даже точный смысл заглавия: «Юность» или «Новая Жизнь»: коль скоро даже дантоведы не могут прийти к согласию по этому вопросу, мы не компетентны его разрешить. Единственное, что нас интересует, — это выводы о. Мандонне из тех предпосылок, которые, как мы видели, он принимает.

Прежде всего, и этого следовало ожидать, смысл приведенного заглавия для него вполне ясен. «*Vita Nuova*» означает в первую очередь «новая жизнь», и «новизна в жизни Данте состоит в том, что в возрасте девяти лет он впервые увидел и полюбил Беатриче»³. «Реалисты понимают это вполне простодушно: дескать, Данте-ребенок был соблазнен красотой и совершенствами юной флорентийки того же возраста». Чтобы избежать подобной детской наивности, поищем в сверхъестественном христианском порядке «символику девятилетней Беатриче»⁴.

Следуя мнению некоторых дантоведов, о. Мандонне прежде всего пытается отнести к Беатриче слова Данте, сказанные в одной

---

* Девятая жизнь (франц.) — Прим. пер.

¹ P. Mandonnet, *Dante le théologien*, p. 67, note 1.

изнемогшей книге духа, я, ничтожный, испытал новую страсть»¹. Так как Данте был лишь на шесть месяцев старше Беатриче, было бы абсурдным предполагать, «будто шестимесячный младенец изнемог из-за того, что некая маленькая флорентийка — если существовала флорентийка — пришла в мир»². Единственное удовлетворительное объяснение этих стихов состоит в том, что «день, когда дама пришла в этот мир, есть не что иное, как день, в который Данте принял крещение, то есть освящающую благодать, сделавшую его христианином... С этого мгновения нет ничего яснее последовательности слов и идей в *Канцоне*»³.

Радоваться рано, потому что, если «*Vita Nuova*» — произведение с такой строгой композицией, как нам говорят, то Данте должен был иметь свои резоны, чтобы не включать в нее эту *Канцону*. По какому праву мы делаем вывод, что дама, о которой идет речь, — Беатриче? Многие дантоведы считают так, другие оспаривают это, но никто ничего не знает наверняка. Данте не называет ее имени; так что мы не знаем, кто она. Если это не Беатриче, не остается никаких оснований считать, что в день ее рождения Данте было всего шесть месяцев от роду. Если же это Беатриче, возможно, что ее рождение совпало с крещением Данте и что, следовательно, Данте, как нам говорят, был крещен лишь в возрасте пяти-шести месяцев: дата крещения могла быть отложена потому, что его крестили путем погружения в воду. Это в самом деле возможно; но, поскольку нам не известен день крещения Данте, мы не можем знать, так ли обстояло дело в действительности.

Впрочем, подлинная проблема заключается не в этом. Зачем идти так далеко в поисках богословских объяснений? Удивляются, что Данте мог впасть в изнеможение в день, когда родилась некая маленькая девочка, потому что изнеможение по такому поводу — вещь невероятная в *пяти-шестимесячном ребенке*. В самом деле, невероятная; но с какого возраста она стала бы вероятной? Неуди-

яснение неизбежно приводит к невероятным вещам, и из всех вероятных объяснений то, которое отождествляет рождение Беатриче с крещением Данте, еще не самое неприемлемое. Первое, о чем поэт говорит нам, — это о чувстве благоговейного страха, наполнившего его тогда: «...*una passion nuova, Tal ch'io rimasi di paura pieno*» [«...новая страсть, / Так что я исполнился страха»]. Итак, в возрасте пяти-шести месяцев маленький Алигьери исполнился благоговейного страха перед освобождающей благодатью крещения — такого страха, что помнил о нем, уже будучи взрослым? Более того: новая страсть столь внезапно поразила все его чувства, что он пал наземь: «*Si, ch'io caddi in terra*»¹. Должны ли мы считать, что ребенка уронила кормилица? Но крестили не кормилицу, а Данте. Или мы должны предположить, что в возрасте пяти-шести месяцев Данте уже самостоятельно ходил? Это было бы любопытным биографическим открытием. Или, наконец, мы должны предположить, что ничтожный, о котором говорит Данте в *Канцоне*, был не телом, а душой этого младенца?² Хотя подобная теология мне кажется сомнительной, ибо крещение принимают не души, а люди, сделаю вид, что соглашаюсь с нею. Следует ли нам тогда считать, что наземь пала душа Данте? Как ни обосновывать эту экзегезу, признаюсь, я не понимаю ее.

Уверимся в том, что и о. Мандонне ее не понимает. Оборвав текст *Канцоны* в удобном месте, он полагает, что избавился от всех трудностей, связанных с оставшейся частью. Всякий текст хорош для него лишь до тех пор, пока поддерживает выдвинутый им тезис. Нужно, чтобы Дама из *Канцоны* уже оказалась Беатриче, но в то же время была бы благодатью крещения — потому что, если это доказано, тем самым доказано и то, что «Дантовская Дама — не более чем вымысел»³. Но «Дантовская Дама» — действительно вымысел; следовательно, все выдвинутые положения доказаны. О. Мандонне настолько уверен в себе, что знает даже, почему «крещальная *Кан-*

крещении благодати, является общей всем христианам и, как таковая, не может означать собственную характеристику жизни Данте». Вот почему, отложив в сторону эту канцону, поэт начинает в «*Vita Nuova*» рассказ о своей жизни с возраста девяти лет. Но так как мы не знаем, действительно ли канцона посвящена Беатриче, и не разумеем, каким образом описанные к ней следствия страсти можно приписать крещению, создается впечатление, что объяснение и подлежащий объяснению факт никак не связаны друг с другом. Но продолжим наш путь. Быть может, всё прояснится, когда мы познакомимся с «собственной характеристикой жизни Данте», с которой поэт пожелал начать свое повествование.

IV. — БЕАТРИЧЕ — ПОСТРИЖЕНИЕ

В самом деле, мы углубляемся в повествование «Новой жизни» с первой встречи Данте и Беатриче. Добродушно посмеявшись над «реалистами», не замечающими, насколько невероятна любовь в девятилетнем ребенке, «особенно если она рано достигла зрелости»², о. Мандонне предлагает собственное истолкование этого знаменитого места (*Vita Nuova*, II): встреча с Беатриче знаменует момент, когда «Данте обращает взор к церковной жизни и начинает подготовку к ней с изучения грамматики, за которым, вероятно, последовало изучение начал теологии»³.

Я готов признать, что возраст девяти лет не внушает никакого доверия — по той простой причине, что он явно обусловлен символическим счетом времени, к которому сам Данте вручил нам ключ. Я только скромно признаюсь в той наивности, что не считаю *невозможным* зарождение сильного и страстного чувства в девятилетнем ребенке, особенно если этот ребенок — Данте. Но в данном случае это не важно. Если мы признаём, что счет времени в «*Vita Nuova*»